

Шведский
БДСМ-детектив

ЭВА ХАНСЕН

цвет боли:
ЛАТЕКС

ЭКСМО
МОСКВА
2015

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)6
X 19

Разработка серийного оформления
И. Ковригина, С. Курбатова

В оформлении обложки использована фотография:
PawelSierakowski / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Хансен, Эва.

X 19 Цвет боли. ЛАТЕКС / Эва Хансен. — Москва : Яуза :
Эксмо, 2015. — 288 с. — (Шведский БДСМ-детектив).
ISBN 978-5-699-80014-8

Расследуя новое убийство, Линн Линдберг придется проникнуть на самое дно подпольного мира БДСМ, где процветает сексуальное рабство и кровавое снафф-видео. Почувствовав пресыщение и охлаждение любимого мужа, она впервые отважится взять на себя роль Топа. Но поможет ли новая БДСМ-практика преодолеть кризис ее брака?..

УДК 82(1-87)
ББК 84(0)6

© Эва Хансен, 2015
© ООО «Издательство «Яуза», 2015
© ООО «Издательство «Эксмо»,
2015

ISBN 978-5-699-80014-8

НЕ ВСЕ ХОРОШО НАЧИНАЕТСЯ

Тугие струи душа били по телу, успокаивая и возбуждая одновременно.

Как такое возможно?

У Бритт все возможно. Горячая вода всегда расслабляла ее, а прикосновение капелек к разгоряченной вовсе не ванной коже напоминало о том, что происходило до водных процедур.

Девушка любила принимать ванну, включив музыку и открыв воду так, чтобы хлестала из крана во все стороны, и только потом вставать под душ. Конечно, Густав ворчал, что она расходует немислимое количество воды, как ворчала и Линн, когда они вместе жили в арендованной квартире на Седре.

Линн еще ворчала на то, что подруга никогда не берет с собой мобильный телефон, из-за чего дозвониться ей невозможно. К чему брать, если из-за музыки, шума воды и собственного неслабого голоса Бритт, распеваящей песни, звонок все равно не слышно?

Вот и сейчас она в больших наушниках в полный голос орала «О, Хаббл Бабл» подпевая дуэту семидесятых годов «ЛИПС» и страшно досадуя, что Густав не торопится присоединиться и тоже нырнуть в большую ванну. Обычно он так и поступал, и действие из спальни плавно перетекало в ванную, потом снова переносилось в спальню... потом следовал просто душ, и к утру Густав был ни на что не похож, приходилось взбадриваться большой кружкой крепчайшего кофе.

— Слабые нынче мужики пошли! — Бритт изо всех сил шлепнула рукой по воде, но плотная пена погасила брызги. — Вот бабушка рассказывала...

Ее бабушка в далекой Калифорнии действительно рассказывала нечто невообразимое о своих любовниках, которые совершали «подвиги» по несколько раз каждую ночь! Наверное, все дело в том, что у Густава северный темперамент, — решила для себя Бритт и с силой выдернула пробку из ванны, сидеть в пене до утра в ожидании задремавшего мужа глупо.

Она встала под душ, но и тогда Густав не присоединился.

— Ну, погоди! Подойдешь ты ко мне...

Раздосадованная Бритт обернулась большим полотенцем, замотала вторым голову и взялась за ручку двери. Но ванная оказалась запертой, ручка не поворачивалась. Чтобы Бритт не могла закрыться от него, когда принимала ванну, Густав просто снял замок внутри, но оставил снаружи. Ко-

нечно, в доме был второй санузел, где все в порядке, но там только душевая кабина, потому Бритт предпочитала этот. К тому же она никогда не была против появления в ванной мужа.

Пару мгновений Бритт дергала ручку, но быстро убедилась, что это ни к чему не приводит, и довольно рассмеялась себе под нос: вот почему Густав не пришел! Постучала в дверь, прислушалась.

— Густав... ну, Густав... — Никакой реакции. — Густав, я больше не буду... я хорошая... выпусти девочку из ванной... я буду послушной...

Снова прислушалась...

Он заснул?! Но это наглость — запереть ее в ванной и уснуть! Вообще наглость уснуть, пока она не спит, а оставив в таком дурацком положении тем более.

Бритт заколотила в дверь:

— Эй! А ну открой!

Но в ответ ни звука.

Сьеберг не мог быть столь бессовестным, он же прекрасно понимал, что последует за такой выходкой.

Бритт сделала последнюю попытку докричаться. Бесполезно. В сердце заполз неприятный холодок, у Густава что-то случилось после того, как он запер дверь ванной!

— Так... главное, не паниковать... может, он вообще застрял в туалете?

Стало смешно, хотя холодок никуда не делся. Чтобы успокоиться, Бритт достала фен и принялась сушить волосы, напевая. Пусть, когда выползет из туалета, услышит, что она вовсе не расстроена, но выходка грозит ему отлучением на несколько дней.

Вдруг сквозь шум фена Бритт послышалось, будто замок щелкнул. Хм... она не будет торопиться, пусть теперь Густав ждет. О том, что он ждал последние полтора часа, пока она нежилась в пене, принимала душ и сушила волосы, Бритт не думала.

Минут через двадцать, убедившись, что выглядит сногшибательно, снова тронула ручку двери. На сей раз та повернулась и дверь открылась. В этой части дома темно... Странно, потому что Густав не меньше самой Бритт любил яркий свет. Внизу открылась и закрылась боковая входная дверь, и тут же послышался шум отъезжающей машины.

Куда это он отправился посреди ночи? Если так, ее ждет очередной сюрприз, а сюрпризы Густав устраивать мастер.

Но беспокойство почему-то усиливалось. Бритт и сама не смогла бы объяснить, почему ей так тревожно, даже жутковато.

— Густав?.. Густав, ты где?

Какой смысл звать мужа, если слышала, как его машина отъезжает от дома? И все же она звала, потому что все существо уже охватил страх на грани паники. Какие шутки, Густав никогда не стал бы запираť ее в ванной, скорее зашел бы туда сам!

В комнате, где они занимались БДСМ, горел свет. С бешено бьющимся сердцем Бритт переступила порог и...

В ответ на ее визг в соседнем доме зажглось окно, потом еще одно, но Бритт ничего этого не видела, она стояла, схватившись за горло и в ужасе распахнув глаза.

На распятии, которое обычно предназначалось для нее, висел Густав Съеберг, вернее, то, что он него осталось!

Во лбу аккуратная дыра от пули, а ниже... О боже! То, чем Густав так гордился, было отрезано под корень, причем отрезано при жизни, кровь залила все вокруг. Во рту у мужа Бритт кляп, руки и ноги закованы в металлические наручники и поножи.

Линн проснулась от звонка телефона Ларса, муж попытался с кем-то говорить, прикрывая трубку рукой, но это плохо получалось. К тому же Линн узнала голос собственной близкой подруги, Бритт, которая, захлебываясь слезами, что-то кричала о Густаве.

Поняв, что Линн уже не спит, Ларс перестал прикрывать трубку рукой, и попытался вразумить их подругу:

— Бритт, послушай меня, — голос строгий, командный, но Ларс прав, Бритт в истерике, успокоить ее хотя бы на время можно только так, — ничего там не трогай и немедленно вызови полицию.

— Я ... не виновата-а... — Душащие подругу рыдания, которые она старательно сдерживала, наконец прорвались настоящим ревом.

— Никто тебя ни в чем не обвинит. Вызови полицию. Я сейчас приеду. — Глянув на одевающуюся жену, уточнил: — Мы с Линн сейчас приедем. Только ничего не трогай и позвони в полицию.

— Я не могу... лучше ты... — Бритт икала и хлюпала, чего с ней никогда в жизни не бывало, во всяком случае, друзья такого не только не видели, но и не могли представить.

— Хорошо, я позвоню, только возьми себя в руки.

Ларс действительно позвонил в полицию и сообщил, что по такому-то адресу совершено убийство, подробностей не знает, но их подруга, хозяйка дома, сказала, что ее муж убит. Дежурный вздохнул и обещал немедленно отправить туда полицейских, чтобы все проверили на месте.

Ларс уже натягивал свитер прямо на голое тело, некогда выбирать, что именно одеть. Еще через минуту они, заглянув в комнату, где из-за переполоха проснулись бабушка Линн Осе и ее муж, многолетний наставник Ларса Свен, и попросив их присмотреть за крошкой Мари, кубарем скатились по лестнице и бежали к автомобилю.

В машине Линн все же поинтересовалась:

— Ларс, что там случилось?

— Толком ничего не понял. Бритт только кричала, что Густав убит, и что она ни в чем не виновата.

— О боже!

По пути они позвонили Дагу Вангеру, следователю Управления, который прекрасно знал и Бритт, и Густава. Вангер обещал немедленно подъехать.

У дома Густава и Бритт уже стояла полицейская машина, и внутрь их не пустили. Линн попыталась внушить рослому полицейскому, что они ближайšie друзья хозяев дома и что именно они вызвали полицию, но тот спокойно покачал головой:

— Тем более. Но не уходите, вы можете понадобиться.

— Конечно, не уйдем!

Несколько минут Юханссоны стояли, прижавшись друг к другу и тревожно глядя на освещенные окна. Осенний ветер пронизывал насквозь, а они одеты легко, потому

что раздумывать над особенностями погоды было некогда. Только собрались уйти в свою машину, чтобы не замерзнуть окончательно, как из дома показался полицейский, кивнул тому, что стоял снаружи:

— Вызывай экспертов. Убийство, причем зверское.

Тот что-то тихо ответил, кивая на Ларса и Линн. Старший поманил их к себе:

— Это вы вызвали полицию?

— Да, я Ларс Юханссон, а это моя супруга Линн. Мы близкие друзья хозяев этого дома. Приехали потому, что позвонила Бритт и кричала в трубку, что Густав убит, и она ни в чем не виновата. Я вызвал полицию. Больше не знаю ничего.

— Хорошо, пройдите в дом, только не поднимайтесь на второй этаж и ничего не трогайте.

В доме к ним бросилась Бритт:

— Линн! Ларс! Я...

— Что случилось? Густав действительно убит?

— Да... пока я была в ванной, его... убили...

— Кто?

— Не знаю...

Вокруг все перевернуто вверх дном, словно что-то искали.

— Бритт, это кто натворил?

— Не знаю...

У бойкой и обычно уверенной в себе Бритт стучали зубы, она вся тряслась. Линн привлекла подругу к себе:

— Иди сюда, к камину.

Но разжечь камин не позволили, к ним метнулся полицейский:

— Что вы там сжигаете?!

Линн фыркнула:

— Два трупа. Расчлененка.

— Что?! — обомлел страж порядка.

— Дрова! Что еще мы можем жечь в камине? Вы не видите, что человек просто замерз?

Бритт и впрямь была слишком легко одета для холодного осеннего вечера, вернее, слишком раздета — она так и осталась в полотенце. Линн сорвала с вешалки у входа большую куртку Густава и укутала в нее несчастную подругу:

— Ну-ка, садись в кресло с ногами. Если уж не дают разжечь камин, то хоть укрою.

В дом вошел Вангер:

— Ну, что там?

— Даг, Густава убили... — всхлипнула Бритт.

— Где ты была в это время?

— В ванной...

— В два часа ночи? — поморщился Даг. Какой нормальный следователь поверит в столь нелепое объяснение?

— Конечно, — искренне удивилась вопросу Бритт. Не будь она настолько потрясена произошедшим, непременно ехидненько поинтересовалась, разве он сам не принимает душ после секса.

— А почему ты... — он сделал неопределенный жест рукой вокруг лица, — причесана?

— Я высушила волосы после ванны.

Уже на рассвете Ларс и Линн увезли Бритт к себе, после того как она подробнейшим образом рассказала следователям о своем пребывании в ванной, закрытой снаружи двери и о том, что увидела, покинув, наконец, санузел. Она не требовала присутствия адвоката и даже представителя посольства США, хотя была американской гражданкой и имела право на помощь дипломатов.

Отведя женщин в машину, Ларс подошел к Вангеру:

— Даг, что там?

Тот сокрушенно покачал головой:

— Ларс, Густава попросту зарезали, как собаку. При чем сделали это на распятии. Я не смогу вести это дело, поскольку хорошо знаком с убитым и с подозреваемой, но попытаюсь помочь Бритт. Нужно только быть уверенным, что она непричастна.

— Как ты можешь сомневаться?!

— Ты бы мог не услышать, как такое творится в доме? Это ведь не полчаса продолжалось. Не заперлась ли Бритт в ванной с перепуга, увидев, что к мужу пришли те, кого он очень боялся?

— Почему ты решил, что Густав боялся своих убийц?

— Ларс, я не вправе что-то говорить. Ты ведь тоже приятель Густава.

— Хорошо, — вздохнул Юханссон.

— Скажи Бритт, что если она что-то знает, пусть лучше скажет, нам будет легче работать.

— Что она может знать?

— Что именно искали.

Бритт не знала, она мотала головой, снова заливаясь слезами:

— Я никого не видела и ничего не слышала!

— Ларс, она действительно принимает ванну часами, пока не перепоеет весь репертуар или вода не остынет окончательно, — заступилась за подругу Линн, когда они уже уложили Бритт на диване, напоив успокоительным, которое раздобыли у бабушки.

Ларс только вздохнул.

Вызванный на место преступления следователь Лайф Петерсен только без конца качал головой:

— Многое видел, но чтоб так с жиру беситься... Даг, что это такое?

— Кóзлы, — буркнул в ответ Вангер. — Ты никогда приспособлений для БДСМ не видел?

— А ты видел?

— Поработай с мое, и не то увидишь.

Это было неправдой, потому что самые разные козлы, распятия, колодки, флоггеры и прочую прелесть Вангер увидел не на службе, а именно при помощи Ларса и его друзей, в том числе Густава.

Выручила Дага его собственная подруга — Агнесс Ва-лин, судмедэксперт, приехавшая на осмотр. Вообще-то, она на осмотр не выезжала, работая в морге, это позволило Дагу задать сакраментальный вопрос:

— А ты почему?

— У Адама какие-то проблемы с зубами, попросил меня съездить. Я знала, что ты здесь. Даг, неужели правда Густав?

— Посмотри сама.

Ужасно расследовать убийство в стиле Джека Потрошителя, но еще ужасней, когда жертва тебе знакома довольно близко.

— Как думаешь, его долго мучили? — кивнул на труп Вангер.

— Его не мучили, Даг. Что-то, наверное, требовали, но не мучили. Посмотри, наручники застегнуты наспех, он даже не вырывался, под наручниками и поножами нет следов потертостей. Видно, понимал, что это смерть, а еще старался не привлекать внимание к Бритт. Она была в ванной?

— Да, и мне не верится, что она не слышала и ни о чем не подозревала до самого конца.

Агнесс снова покачала головой:

— Густав сделал все, чтобы не привлечь внимание Бритт. Этим он спасал жену от гибели. А в своей не сомневался, видно, понимал, с кем имеет дело.

— Пуля пущена в лоб потом?

— Похоже, да, но я бы предпочла сначала поработать на своем месте.

Это означало, что ответы Агнесс даст только после вскрытия. Не только она, все судмедэксперты терпеть не могут что-то говорить заранее потому, что знают — вскрытие может перевернуть половину, а иногда и все представления о смерти жертвы и о ней самой.

— Ладно, мы пока займемся уликами...

В убийстве Густава Съеберга Бритт Джонсон не обвиняли, слишком многое указывало на то, что это не могла сделать она. Хотя на брошенном в лужу крови кухонном ноже